



“ХВАТИЛО БЫ ДУХА НЕ ВПАСТЬ В БЕЗВРЕМЯ...”

Беседа киевских журналистов со Станиславом КУНЯЕВЫМ

В переломном 1990-м, спустя год после выхода на редакторскую стезю, он сказал во весь голос:

*От жестов
И криков хмелеет народ,
Из уст у ораторов – дым!
И некому вспомнить
Семнадцатый год,
Что кончился
Тридцать Седьмым...*

Гражданственный запал Станислава Куняева, с которым довелось побеседовать в его рабочем кабинете на Цветном бульваре, кажется, обретает второе дыхание.

– Жизнь летит стремительно, – не дожидаясь наших вопросов, раздумчиво говорит Станислав Юрьевич. – Особенно в такие беспокойные времена, я бы сказал, катастрофические эпохи. Словно вчера это было: летом 1989-го Сергей Васильевич Викулов, тогдашний главный редактор “Нашего современника”, предложил возглавить один из популярных журналов, у руля которого сам отстоял 21 год. После смерти Твардовского из выпестованного им “Нового мира” в “Наш современник” перешли лучшие российские прозаики – Астафьев, Абрамов, Белов, Бондарев, Залыгин, Распутин, Казаков... Для них Викулов – личность особого качества: капитан артиллерии, защищал Москву и Сталинград, прошёл всю войну, известный поэт...

– Помните тот стартовый номер “Нашего современника”, который вы впервые подписали к печати как главный редактор?

– Такое не забывается. Недавно мы из архива достали тот номер за 1989 год. Часть номера отдана украинской литературе. Что ни фамилия, то имя: Платон Воронько, Дмытро Павлычко, Николай Лукив, Леонид Горлач, статья о Мыколе Хвелевом... Горжусь своим редакторским дебютом. Но наша история круто повернула и пошла по непредсказуемому пути. Больно. После Беловежской пуши стало понятно: распад необратим. По большому счёту, все восемнадцать лет моего редакторства были поиском пути, который вывел бы к спасению славянской культуры, мысли, духа. По-моему, всё же удалось на творческой ниве сохранить лучшее, что нам досталось, что осталось от советского периода и в прозе, и в поэзии. Публицистика же оказалась просто неизбежной при осмыслении пугающего “рока событий”. И тут у нас, думаю, наибольшие достижения. Они связаны с откровениями Льва Гумилёва, Вадима Кожинова, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, Сергея Кара-Мурзы, Александра Панарина, Игоря Шафаревича, Ирины Стрелковой... Не всё получилось. Социально-политические процессы на огромной территории СССР, а потом СНГ оказались слишком центробежными, слишком радикальными, слишком разрушительными.

А Украина – это особая тема, которая касается и моей личной судьбы. В своё время, будучи подростком, я учился в украинской школе. В Конопте. Туда из разбомблённой Калуги позвали на работу мать в железнодорожную больницу. Шёл сорок пятый год. Как сейчас помню, учительница Дарья Никифоровна на полном серьёзе сказала, что переведёт меня из пятого класса в шестой, несмотря на то, что двоек получил больше, чем троек, при одном условии – если выучу наизусть и выразительно прочитаю два стихотворения на украинском языке. И – выучил! Первое – Тычина “На Майдані коло церкви революція іде. . .” Второе – басня Глибова “Вовк та ягня”. Концовку, особенно когда общаюсь с кем-то из Украины, люблю цитировать: *Як сміла ты мене питати? / Я, може, істи захотів. / Не вам про теэ дурням знати, – / І вовк ягнятко задавив. . .*

К сожалению, волчьи законы порой правят людьми не только в политической сфере, но и в повседневной жизни. Поэтому и надо сообщать противостоят бездуховности и антикультуре. Проникся этим, что называется, с младых ногтей. Русская девушка, на которой я женился в годы студенчества (а было это в Московском университете), оказалась с украинским прошлым: училась сначала в Днепрпетровске, потом в Киеве. Она настолько хорошо знала мову, что перевела для издательства “Детская литература” известного западноукраинского прозаика Дмитра Кишелю. Часто ездили с супругой погостить к нему в Ужгород. . . До сих пор храню в домашней библиотеке украинские словари и время от времени заглядываю в них. Добрые воспоминания остались и от двух воинских сборов во Львове, где я познакомился с Ростиславом Братунем и Николаем Петренко. Николай – человек чрезвычайно драматичной судьбы: в пятнадцатилетнем возрасте его угнали в Германию, но он выжил “всем смертям назло”, стал прекрасным поэтом. Мне посчастливилось переводить на русский язык его книги и познакомиться с ним. В последние годы связь между нами прервалась. Если жив, может, откликнется? Храню его письма и сборники с автографами. Собираюсь сдать этот духовный багаж в библиотечный архив: чтобы там тоже был след моего увлечения украинской историей и культурой. Состоял я в продолжительной переписке и с Леонидом Первомайским. Он высоко оценил мои стихи, которые звучали в Киеве на встрече с творческим активом журнала “Наш современник”.

Кстати, среди выпускников Литературного института, где я преподаю, немало граждан Украины и Белоруссии. Пока в “верхах” шумят бури геополитических разногласий, литераторы изо всех сил стараются сохранить добрососедские отношения наших стран на культурно-личностном фронте.

– **Нет ли тут для вас риска поступиться принципами?**

– Наоборот, национальная самоизоляция чревата всевозможными рисками и даже катаклизмами. Единство славянских государств не раз доказывало свою силу. Правда, неизвестно ещё, в какую сторону повернёт колесница мировой истории. Надеюсь, устремится туда, где будем ближе друг к другу – и в литературе, и в искусстве. Ростки такой интеграции надо поддерживать. И поддерживаем: издали уже четыре номера “Нашего современника”, посвящённые Белоруссии. Нечто подобное хочется сделать хотя бы до 2009 года для Украины. Думаю, и у вас нашлись бы писатели, которым не чужда эта идея. Скажем, Борис Олейник.

– **А как соотносится всё это с тиражной политикой?**

– По сравнению с “перестроечными” показателями мы “упали” всего-навсего в 45 раз, а “Новый мир” – в 300! А если говорить серьёзно, то мы начиная с середины 90-х годов прочно занимаем первое место среди “толстых” литературных журналов России.

– **Интересно, а сколько ваших подписчиков в Белоруссии и Украине сейчас?**

– В Белоруссии, с которой мы целенаправленно работаем, 500; каждая область охвачена. А в Украине 150. Незасеянное поле. Или изрядно подзаросшее. Ему нужна вспашка – хотя бы неглубокая.

– **Но после неё напрасно ждать дружных всходов, если не будет семян адекватной идеологии. Какова она у “Нашего современника”?**

– Думаю, вполне приемлемая для всех (или для многих) людей доброй воли, живущих на территории бывшего СССР: права человека – ценность относительная, а вера и нравственность – это абсолют. Ведь в нас,

простых смертных, всякого намешано. Причём и такого, что вступает в противоречие с Божьим замыслом. Согласитесь, греховная тьма терроризма, наркомании, педофилии не должна прикрываться и тем более освящаться модным в мире словосочетанием “права человека”. Не так давно у нас состоялся XI Всемирный русский народный собор, где довелось выступить и мне. Я размышлял о диалектике национально-самобытного и интернационально-объединяющего. Кажется, никого не оставило равнодушным слово старообрядческого митрополита Московского и всея Руси Корнилия. Позвольте процитировать: “Каково бы ни было уготовано будущее России, давайте не забывать, о чём всегда помнили наши благочестивые предки: что близ есть, при дверех Христос Спас, имеющий строго спросить с каждого из нас отчёта о содеянном. Рано или поздно наступит время окончательного суждения о наших мыслях и делах”. В рубрике “Свет разума” журнал готовит серию публикаций о том, как преодолеть раскол – и в лоне церкви, и в ложе политики.

– **Но сами же политики зачастую и сеют ядовитые зёрна раскола, бросают в толпу экстремистские лозунги типа “От жидов спасай Россию!” или “Россия для русских!”**

– Ни я, ни Василий Белов, ни Валентин Распутин, ни другие уважаемые россияне, входящие в общественный совет “Нашего современника”, никогда не поддерживали и не будут поддерживать межнациональную рознь, славянский радикализм, ксеноненависть. Россия – для всех коренных народов России. Понятно, украинцы – кровные братья. А вот китайцы, азербайджанцы, грузины – это гости. Не стоит забывать: великий писатель Тарас Шевченко не чурался идеи славянского единства. Кстати, стихи он писал на украинском, а дневники вёл на русском.

– **Тревожит гаснущий интерес к нашей классике. Как-то мы спросили на Арбате первого встречного, что он знает о Шевченко, и услышали: “Жаль, в России нет таких футболистов”.**

– Бездуховность – явление транснациональное. Надеюсь, это преходящее помрачение. Хватило бы духа не впасть в безвременье. Кажется, мир материального соблазна и телевизионного насилия выхолащивает в молодом поколении всяческий интерес к глубинным процессам жизни, к родной истории. Наше общее дело – противостоять этому.

Беседу вели Геннадий КИРИНДЯСОВ, Василий БАБАНСКИЙ